

УДК 342.56(470) + 347.99 (470)
ББК Х71(2) + Х71-91

А. Г. Кузьмин

МОДЕРНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

A. G. Kuzmin

MODERNIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE JUDICIAL CONSTITUTIONALISM

В статье рассматривается проблема реформирования судебной системы Российской Федерации как условия эффективного становления и развития судебного конституционализма. Анализируются основные концептуальные подходы к обеспечению единообразия судебной практики, включая выработку унифицированного толкования правовых норм пленумами высших судов, стабилизацию нормативно-правового массива, реализацию идеи «высшего судебного присутствия». С учетом объективной сложности ряда факторов, predetermined процессом активного реформирования национальных политических и правовых институтов, высказывается тезис об обоснованности концепции формирования единого высшего судебного органа Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная система, судебный конституционализм, модернизация, единообразие судебной практики.

The article considers the problem of reforming judicial system of the Russian Federation as a condition of effective establishment and development of the judicial constitutionalism. It analyses main conceptual approaches to ensure uniformity of judicial practice, including elaboration of unified interpretation of legal norms by the plenary assembly of the Supreme courts, the stabilization of statutory and regulatory range, realization of the idea «of the Supreme judicial presence». Taking into account the objective complexity of a number of factors, predetermined by the process of active reforming in national political and legal institutions, there is an argument about the validity of the concept of formation of uniform Supreme judicial authority of the Russian Federation.

Keywords: judicial system, judicial constitutionalism, modernization, uniformity of judicial practice.

Одним из важнейших условий и гарантий эффективного становления конституционной модели российского государства и общества является судебный конституционализм. В настоящее время сформулировано значительное количество характеристик этого феномена, однако наиболее полным представляется определение, данное Н. С. Бондарем. «В обобщенном виде, — отмечает он, — судебный конституционализм можно представить как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Кон-

ституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства». Категория судебного конституционализма, по мнению ученого, должна иметь важное прикладное, инструментальное значение для решения практических проблем: преодоления правовых пробелов, коллизий, их устранения

19

Конституция,
государство и общество

посредством всех форм осуществления правосудия¹.

Представляется достаточно бесспорным утверждение, что перечисленные задачи не могут быть решены без обеспечения единообразия судебной практики. Широко известны многочисленные примеры несогласованности подходов к разрешению однотипных правовых конфликтов судебными инстанциями различного уровня, судами общей юрисдикции и арбитражными, включая и «высшие» суды. Между тем, как обоснованно отмечает О. В. Журавлева, все они рассматривают сходные правоотношения, руководствуясь одними и теми же нормами материального права. Следует согласиться с тем, что указанная ситуация подрывает авторитет судебной власти, вносит неопределенность в регулирование правовых отношений, усложняет работу лиц, участвующих в разрешении юридических конфликтов².

Представляется безусловно обоснованным утверждение Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина о том, что отсутствие единообразного истолкования и применения положений закона — в единстве формального и содержательного аспектов — приводит к его неопределенности и возможности произвольного применения, нарушая фундаментальный конституционный принцип равенства как необходимое условие реализации прав и свобод³. В ряде случаев, как справедливо отмечает Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев, неоднозначное понимание и применение правовых норм являются следствием их недостаточной определенности, создающей возможность неограниченного усмотрения⁴.

В связи с этим в качестве способов решения проблемы предлагаются различные варианты корректировки существующего судоустройства. В частности, ряд авторов полагает, что в качестве способа преодоления несогласованности судебной практики следует рассматривать совместные заседания пленумов высших судов по вопросам, затрагивающим «общие проблемы правосудия». Это, по мнению сторонников данного подхода, позволило бы достичь тождественного применения норм материального и процессуального закона и иных нормативных правовых актов, применяемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами и, соответственно, формирования единообразной судебной практики по отдельным категориям дел, подведомственных

судам общей юрисдикции и арбитражным судам. Кроме того, такой подход способствовал бы решению вопросов о совместном использовании права законодательной инициативы ВС РФ и ВАС РФ, а также о совместных обращениях в Конституционный Суд РФ с запросами о проверке конституционности законов, иных нормативных правовых актов и договоров⁵. Однако следует признать, что в постановлениях пленумов высших судебных инстанций далеко не всегда содержится ответ на спорный вопрос, поскольку объективно невозможно «сразу охватить все спорные вопросы применения права»⁶.

С точки зрения других специалистов в области юриспруденции, единство и стабильность судебной практики недостижимы без обеспечения стабильности применяемого материального и процессуального права. По мнению сторонников такой позиции, в условиях постоянных реформ законодательства достижение единства практики довольно проблематично даже с учетом возможности совместных заседаний пленумов и иных предлагаемых способов координации деятельности «высших» судов. Признавая справедливость этого утверждения, следует признать и то, что в условиях перманентных политико-правовых реформ обеспечение неизменности законодательства представляется довольно иллюзорным, а, следовательно, необходим поиск более «практического» варианта решения проблемы.

Предлагаются и другие меры, в частности, организация судебной системы по типу существующей в США, где основная часть дел рассматривается на уровне штатов. Так, исследователи отмечают, что в общей сложности в Верховный суд США поступает ежегодно около 8 тысяч дел, большинство из которых отклоняется, и лишь незначительная часть (около 100 дел) рассматривается в полном объеме⁷. Критика указанного подхода основывается на том, что его внедрение очень быстро может привести к формированию «региональной» законности и нарушению принципа правовой определенности, поскольку в каждом субъекте федерации будут иметь место совершенно разные решения по одним и тем же правовым вопросам.

Достаточно активно дискутируется и идея создания «высшего судебного присутствия», включающего равное количество представителей каждого «высшего» суда. По мнению ее сторонников, такая мера способствовала бы достижению единообразия судебной практики не на

основании формального сходства рассматриваемых дел, а, прежде всего, на основе их конституционного (сущностного) сходства.

Однако следует согласиться с тем, что наиболее обсуждаемой концепцией реформирования судебной системы является создание единого судебного органа, обеспечивающего единообразие правоприменения. Данная идея, как и все перечисленные выше, воспринимается специалистами в области права неоднозначно и имеет как безусловных сторонников, так и противников. В частности, ее отрицательная оценка высказана судьей Конституционного Суда РФ в отставке, доктором юридических наук, профессором Т. Г. Морщаковой, которая полагает, что сосредоточение высшей судебной власти в одном органе увеличивает вероятность произвола. Такой подход, по мнению ученой, не способен обеспечить потребность в разрешении правовых конфликтов, поскольку фактически дела будут заканчиваться не на уровне высших судов государства, а высших судов в регионах. Это связано с тем, что единый высший суд не сможет обеспечить адекватную проверку всех жалоб, которая и сейчас в ряде случаев носит формальный характер⁸. С позиции ряда других ученых и практиков указанный вариант, связанный с изменением Конституции Российской Федерации, следует рассматривать как возможный, но не предпочтительный⁹.

Между тем, с учетом масштабности задачи обеспечения единообразия судебной практики, концепция создания «единого» Верховного Суда представляется вполне отвечающей возможности ее решения. На наш взгляд, подтверждением этому является многочисленность и сложность факторов, возникновение и существование которых предопределено процессом активного реформирования национальных политических и правовых институтов.

Прежде всего, представляет определенную проблему установление границ понятия «единство судебной практики». Как обоснованно замечает А. Д. Корецкий, из буквального толкования данного термина следует, что судебная практика представляет собой совокупность актов применения норм позитивного права, то есть результат осуществления судами функции правосудия. В указанном контексте сама задача обеспечения единства множественных актов правоприменения «является небесспорной, поскольку ее реализация может быть сведена к игнорированию индивидуальных особенно-

стей каждого судебного дела», что плохо коррелирует с принципом независимости судей и — в определенной мере — с задачей обеспечения справедливости. Второй, менее буквальный, но в большей степени отражающий конституционную сущность данного понятия, подход заключается в интерпретации единства судебной практики как единообразного понимания, толкования всеми судьями правовых норм и одинакового применения ими аналогии закона и аналогии права. Однако такой подход, по мнению ученого, «не вполне соответствует тексту Конституции РФ, которая не предусматривает единого центра формирования судебной практики»¹⁰.

Другим заслуживающим внимания обстоятельством является то, что модернизация российского правосудия сопряжена с определением оптимальных пределов применения судебной прецедентной практики и унификации ее конкретных результатов. При этом следует принимать во внимание риск так называемого судебного активизма, проявляющегося в фактической подмене судом законодателя и возникающего в условиях недостаточной определенности ряда действующих правовых норм. Минимизируя этот риск, высший судебный орган одновременно должен обеспечить в рамках толкования юридической нормы формирование единого подхода к пониманию приоритета тех или иных ценностей, подлежащих судебной защите. Кроме того, необходимо учитывать, что ни одна отрасль права не содержит исчерпывающего перечня принципов, подлежащих применению при разрешении юридических конфликтов, как не содержит и «рецептов» реализации этих принципов применительно к тем или иным аксиологическим категориям, что в спорных ситуациях обуславливает высокую значимость мнения «высшего» суда.

Наличие в настоящее время, по существу, нескольких центров формирования судебной практики — в лице высших судов — затрудняет и решение одной из основных задач правосудия, которая заключается в установлении баланса частного и публичного интересов, развития прогрессивных институтов российской государственности и конституционализма в целом. Указанный подход, на наш взгляд, должен основываться на понимании, осознании социальной значимости права в целом и его направленности на гармонизацию противоречащих друг другу социальных интересов. Еще в середине XX века в рамках дискуссии о судебном правотворчестве высказывалась мысль

о том, что судьи вправе самостоятельно осуществлять оценку интересов и выносить решение, наиболее оптимальное «с политико-правовой точки зрения». При этом, как отмечает А. Г. Карапетов, судья должен был попытаться реконструировать оценку интересов, которую имел в виду законодатель, но в случае невозможности он имел право осуществить их «свободную оценку... как если бы он сам был законодателем». Безусловно, такой подход имел противников, полагающих, что методология оценки интересов является недостаточно определенной; однако, как обоснованно отмечали сторонники теории, выведение судом решений посредством дедукции из правовых концепций и систематики права является не более ясным механизмом¹¹.

Для понимания роли суда в осуществлении выработки и унификации судебной практики, на наш взгляд, представляет значительный интерес позиция, сформулированная в учебнике «Курс германского гражданского права» Л. Эннексерусом, Т. Киппом и В. Вольфом в 30-х годах XX века. Согласно мнению этих авторов, позитивному праву изначально присущи пробелы, восполнение которых должно производиться судом исходя из духа законов, принципов и общих тенденций оценки отраженных в них интересов. В случае невозможности достичь результата таким образом суд должен разрешить спор по субъективному усмотрению, стремясь достичь при этом гармонии закона, науки права, экономической целесообразности и потребностей оборота, учитывая нравственные ценности и общие принципы права. Указанный подход получил развитие в национальном праве: исследователи отмечают, что в решениях Верховного суда Германии практически всегда цитируется судебная практика, часто приводятся мнения ученых и упоминаются такие аргументы, как справедливость, конституционные ценности, оценка и взвешивание

интересов. «Суды, — пишет А. Г. Карапетов, — часто пытаются примирить доводы о справедливости и доводы о правовой определенности, так как обе группы аргументов признаются конституционными принципами. Верховный суд Германии не пытается представить свое решение как неизбежно вытекающее из якобы абсолютно определенных норм закона, а подробно оценивает все аргументы за и против того или иного решения, не стесняясь даже прямо признавать, что ранее его практика была другой, а теперь он намерен изменить свой подход»¹².

Согласимся с А. Д. Корецким в том, что решить задачу унификации судебной практики в масштабе всего государства усилиями пленумов Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также совместными усилиями пленумов и президиумов высших судебных инстанций не представляется возможным; в то же время и подход, при котором «любое определение, принятое вышестоящим судом, воспринимается как сложившаяся судебная практика», не вполне соответствует закону¹³. Он не отвечает и потребностям конституционного развития, поскольку, как отмечал известный римский юрист Ульпиан, применение апелляции исправляет ошибки судей, но в то же время иногда изменяет в худшую сторону правильные решения — «ведь не всегда лучше решает тот, кто принимает решение последним»¹⁴.

Исходя из сказанного, концепция преобразования судебной системы посредством формирования единого высшего судебного органа видится достаточно обоснованной с учетом многоаспектности и сложности задачи формирования судебного конституционализма. Такой подход, на наш взгляд, вполне отвечал бы истинному назначению судебной власти как субъекта регулирования и закрепления устойчивых, объективно необходимых, правовых общественных отношений.

Примечания

1. Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика: стенограмма круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. — 2011. — № 3. — С. 3.
2. Журавлева О. В. К вопросу о единообразии судебной практики при рассмотрении гражданских дел // Российская юстиция. — 2013. — № 4. — С. 41.
3. Материалы VIII Всероссийского съезда судей. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина // Российская юстиция. — 2013. — № 2. — С. 7.
4. Материалы VIII Всероссийского съезда судей. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева // Российская юстиция. — 2013. — № 2. — С. 12.

5. Соловьева Т. В. Постановления Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека в сфере гражданского судопроизводства и порядок их реализации : монография / под ред. О. В. Исаенковой. — М., 2011. — 240 с.
6. Журавлева О. В. Указ. соч. — С. 42.
7. Лафитский В. Конституционный строй США. — М., 2011. — С. 263.
8. «Создание единого суда — совершенно ложный тезис» — судья Конституционного суда в отставке Тамара Морщакова / <http://pravo.ru/review/view/84826/>.
9. Гаджиев Г. А., Коваленко К. А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. — 2012. — № 5. — С. 12—19.
10. Корецкий А. Д. Конституционно-правовое значение единства судебной практики // Современный российский конституционализм: доктрина и практика : мат-лы межвуз. научно-практ. конфер. (Южный федеральный университет, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (Санкт-Петербургский государственный университет, 5 марта 2011 г.) / отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. — Ростов н/Д; СПб., 2011. — С. 176—177.
11. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. — М., 2011. — С. 123.
12. Там же. — С. 146—147, 173.
13. Корецкий А. Д. Указ. соч. С. 180.
14. Дигесты Юстиниана. — Т. VII. — Полумом 2. — М., 2005. — С. 223.

Reference

1. Judicial («live») constitutionalism: doctrine and practice. Stenogram of a round-table talk of the Department of State and Administrative Law of the Faculty of Law, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, March 5, 2011) // Magazine of Constitutional justice. 2011. № 3. p. 3. [Sudebnyy (zhivoy) konstitutsionalizm: doktrina i praktika. Stenogramma kruglogo stola kafedry gosudarstvennogo i administrativnogo prava juridicheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (Sankt-Peterburg, 5 marta 2011 goda) // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya]
2. O. V. Zhuravleva. To the question on uniformity of judicial practice at civil cases proceeding // Russian justice. 2013. № 4. p. 41. [K voprosu o edinoobrazii sudebnoy praktiki pri rassmotrenii grazhdanskikh del // Rossiyskaya justitsiya]
3. Documents of VIII All-Russian Meeting of the Judges. Report of the Chairman of Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin // Russian justice. 2013. № 2. p. 7. [Materialy VIII vserossiyskogo sezda sudey. Vystuplenie Predsedatelya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii V.D. Zorkin // Rossiyskaya justitsiya]
4. Documents of VIII All-Russian Meeting of the Judges. Report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V.M. Lebedev // Russian justice. 2013. № 2. p. 12. [Materialy VIII vserossiyskogo sezda sudey. Vystuplenie Predsedatelya Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii V.M. Lebedev // Rossiyskaya justitsiya]
5. T.V. Solovieva. Regulations of the Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court for the rights of a man in the sphere of civil judicial procedure and order of realization: monograph / edited by. O.V. Isaenkova. Moscow., 2011. pp.240. [Postanovleniya Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva i poryadok ikh realizatsii: monografiya / pod redaktsiyey O.V. Isaenkova]
6. O.V. Zhuravleva. Articles stated. p. 42.
7. V. Lafitsky. Constitutional system of the USA. Moscow., 2011. p. 263. [Konstitutsionnyy story SSHA]
8. «Establishment of integrated court is completely false thesis» — Tamara Morshchakova, retired judge of the Constitutional Court/ <http://pravo.ru/review/view/84826/>. [Sozdanie edinogo suda – sovershenno lozhnyy tezis – sudiya Konstitutsionnogo suda v otstavke Tamara Morshchakova]
9. G. A. Gadzhiev, K. A. Kovalenko. Principle of legal certainty in constitutional justice // Magazine of constitutional justice. 2012. № 5. pp. 12-19. [Printsip pravovoy opredelennosti v konstitutsionnom pravosudii // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya]
10. A. D. Koretskiy. Constitutional and legal meaning of the integrity of precedents / Modern Russian constitutionalism: doctrine and practice. Documents of interdepartmental scientific conference (South Federal University, October 23, 2010.) and round-table talk (Saint-Petersburg State University, March 5, 2011.) / Executive editor. — N.S. Bondar, professor. Rostov on Don-Saint-Petersburg., 2011. pp. 176-177. [Konstitutsionno-pravovoe znachenie edinstva sudebnoy praktiki / Sovremenniy rossiyskiy konstitutsionalizm: doktrina i praktika. Materialy mezhdvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Juzhniy federalniy universitet, 23 oktyabrya 2010) i kruglogo stola (Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet, 5 marta 2011) / otvetstvenniy redactor professor N.S. Bondar, Rostov na Donu – Moscva, 2011, s. 176-177]

11. Karapetov A.G.. Struggle for recognition of judicial law-making in the European and American law. Moscow, 2011. p. 123. {Broba za priznanie sudebnogo pravotvorchestva v evropeyskom I amerikanskom prave}
12. A.G. Karapetov Articles stated. pp. 146-147, 173.
13. A.G. Karapetov Articles stated. p. 180.
14. Digests of Justinian. Volume. VII. Semivolume 2. Moscow., 2005. p. 223. [Digesty Justiniana. Tom VII. Polutom 2, Moskva, 2005]

КУЗЬМИН Андрей Георгиевич, кандидат юридических наук, заместитель председателя Арбитражного суда Челябинской области. Почтовый адрес: 454090, г. Челябинск, ул. Воровского, 2. E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru

KUZMIN Andrey Georgievich, Candidate of Science (Law), Vice-Chairman of Arbitration Court of the Chelyabinsk region. Mail address: bld. 2, Vorovskogo St., Chelyabinsk, 454090. E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru

